
ОТКРЫТИЙ ЧУДНЫХ...

Т.А. Суетин

РЕАЛЬНОСТЬ В РЕТРОСПЕКТИВЕ

Аннотация. В статье раскрывается взаимосвязь воззрений на реальность и становления научного знания, вплоть до возникновения классической науки. Автор анализирует идеи Античных, Средневековых философов, а также мыслителей и учёных Нового времени, сопоставляя их с вектором развития научной деятельности. Затрагивается вопрос воздействия религии и церковной власти, связанный с ними жизненный уклад на возникновение классической науки. В целом наука рассматривается как неотъемлемый инструмент познания реальности, но в своём классическом варианте тенденции науки постепенно начинают смещаться в сторону прагматизма и приспособления реальности под человека и общество. Исследование проводится, прежде всего, в историческом контексте, на основе философских трудов античности, религиозной философии, а также истории и философии науки. Принимая во внимание созидательные факторы классической науки, осмысливаются причины и следствия негативных проявлений науки. Основную проблему классической науки автор видит в чрезмерной рационализации, исключающей чувственно-эмоциональный фактор в рефлексивном аспекте. Воззрения на реальность перестали подпитывать, стимулировать науку, а скорее начали мешать ей. Новизна исследования заключается в рассмотрении научного познания с точки зрения эмоционально-чувственной рефлексии, без которой наука не может воспринимать и познавать реальность как таковую, а лишь приспособлять её к прагматическому использованию.

Ключевые слова: реальность, наука, история, прогресс, мировоззрение, онтология, социум, рациональность, прагматизм, демаркация науки.

Abstract. In his article Suetin describes the relationship between views on reality and development of science till the moment when classical science was created. The author analyzes idea of ancient and medieval philosophers as well as philosophers and scientists of the Modern Age comparing these ideas to the vector of scientific development. The author of the article also touches upon the question about the influence of religion and church and associated lifestyle on the development of classical science. In general, science is viewed as an essential instrument for understanding the reality, however, the classical variant of scientific tendencies is gradually shifting towards pragmatism and adoption of reality to human and society. The research is based, first of all, on ancient philosophy and religious philosophy as well as a history and philosophy of science. Taking into account constructive factors of classical science, the author of the article analyzes the reasons and consequences of the negative tendencies of science. According to the author, the main problem of classical science is the excess rationalization and ignorance of the sensual-emotional factor and reflexion. Views on the reality do not encourage science any more but rather create obstacles for scientific development. The novelty of the research is caused by the fact that the author views science from the point of view of emotional and sensual reflexion. According to the author, without taking into account emotional and sensual perception of the world, science cannot perceive the reality as it is but can only provide means of pragmatic use of the reality.

Key words: rationality, society, ontology, world view, progress, history, science, reality, pragmatism, demarcation of science.

Как человек понимает реальность? Вроде бы простой вопрос – вот окружающий мир, материальные формы вещей, природные явления – мы наблюдаем их и во многих случаях можем объяснить, стало быть, всё видимое и воспринимаемое нами и есть реальность. Но ведь для объяснения множества происходящих вокруг явлений потребовалось немало веков, размышлений, предположений. И каждый шаг в развитии человеческой мысли, каждая ступень становления науки – изменяли

взгляд на существующий мир, вселенную, человека и реальность в целом. Например, до появления естественных наук, как кладези определённых, выверенных знаний о законах природы, многие привычные для нас сегодня явления могли рассматриваться как божественное провидение, проявление высших, недоступных человеческому пониманию, сил, небесная кара, мистическое или магическое действие духов.

В историческом разрезе просматриваются совершенно разные концепции понимания реаль-

ности как таковой. Здесь стоит прояснить, что понимается под термином «реальность». С одной стороны, мы можем постулировать – это всё, что существует в окружающем нас мире и вселенной. Но тогда под реальностью понимается лишь одна из форм – материя, а также явления, вызванные взаимодействием материи и вырабатываемая ею энергия. Но ведь и внутренний человеческий мир только условно отделён от материальной реальности. Наша психика воспроизводит образы, идеи, желания, мы строим планы, фантазируем, представляем, чувствуем. Да, эти психические проявления выражаются телом, дают заряд, мотивацию для взаимодействия с окружающим миром, с другими людьми, с материей. Но до своего соматического обнаружения, психические процессы также реальны, непосредственно включены в процесс бытия. Любая человеческая фантазия, выдумка – неотъемлемо входит в состав реальности, как нечто существующее в мысленном образе. Более того, скорее фантазии, выдумки, идеи расширяют саму реальность, как целостность. Выходя за рамки существующего, компилируя образы, представляя нечто уникальное в силу пережитого субъективного человеческого опыта, в мыслях человека проявляется новое или модифицированное видение чего-либо или кого-либо. В каком-то смысле, можно сказать, что человеческая психика в процессе жизни постоянно расширяет реальность ввиду свойства воображения.

Итак, рассуждая о реальности, мы представляем некую целостность материального и психического бытия, сосуществующего в одной сфере бытия. По сути, всё, что выходит за рамки реальности, в фантазии, представлении, воображении, т.е. является трансцендентностью – расширяет границы реального как такового, непременно и тотчас включая в себя вышедшие за пределы реальности образы. Кроме того, сама по себе реальность целостна, всеобъемлюща и нераздельна, являет собой как материальный, объективный мир, так и ментальную сущность мира идей.

Человек воспринимает реальность с помощью восприятия, находясь в непосредственном состоянии наблюдения, ощущения органами чувств как объективную окружающую среду. Весь этот перцепционный опыт формирует определённый образ миропредставления. Но этот опыт, так или иначе, постулируется на определённых пластах эпох, социального развития, философских школ, религиозных доктрин и, наконец, на основе научных знаний. Как же изменялся человеческий взгляд на реальность в исторической протяжённости? Как восприятие реальности способствовало становле-

нию естественных наук? А также, насколько сильное влияние оказала наука на представление о реальности в современном мире?

I. Мифологические аспекты реальности

В первую очередь следует обратиться к тем эпохам, которые предшествовали возникновению естественных наук, но при этом беспрестанно формировали необходимый для их появления фундамент. Как мог представлять себе реальность мира человек, живущий более двух тысяч лет назад? Что представляет собой окружающий мир и есть ли что за его пределами? На этот вопрос неоднократно размышляли античные философы, выстраивая свои концепции миропредставления, основываясь на наблюдении, зачастую соотнося свои догадки с культурным наследием того времени, оперируя чувственным восприятием, интуитивной и мыслительной способностями.

Древнегреческое мифотворчество во многом определило представление о вселенной, как творении высшими божественными существами, наделив каждого из них своими обязанностями, ролями, ответственностью за сотворенные стихии и явления. В попытках постигнуть глубину мироздания, онтологическую основу сущего, многие мыслители строили свои рассуждения, основываясь на естественном наблюдении за этими явлениями, их связи со всем окружающим.

Так, один из древнейших философов Фалес полагал, что начало всего есть вода. Отсюда и его представления, что земля покоится на воде. В его размышлениях просматривается немалая доля пристальных наблюдений и умозаключений. Любое живое существо, будь то человек, животное, растение – нуждается в воде, стало быть, вода даёт то самое движение жизни и, по сути, является самой жизнью. Более того, вероятно он обратил также внимание и на то, что всякая удобоваримая пища содержит определённую долю воды, а также само тепло возникает из влаги [2]. Диоген считал первоосновой всего сущего воздух, который также необходим всем живым существам, а кроме того он прозрачен, бестелесен и заполняет всякое видимое пространство, приводя в движение другие тела порывами дуновения и ветра. Гераклит же отдавал дань огню, как самому загадочному элементу природы и стихии, который наименее телесный, но при этом воспринимаемый зрением – находится в вечном движении и приводит в движение другие тела. В его размышлениях огонь занимает центр вселенной, что оказалось своего рода интуитивным прозрением, с учётом представления о Земле

как центральной планете в мире. Кроме того, Гераклит высказывался о единстве и всецелостности космоса и в его учениях выдвинуто несколько интересных тезисов относительно реальности. Он определял всё реальное в вечном течении единого и материального, беспрестанное движение всего сущего [6, с. 91].

Как видно, многие античные мыслители обращались к основным элементам природы, проводя достаточно тщательное наблюдение за их взаимодействием с окружающим миром, определяя роль каждого элемента, выявляя один наиболее важный или приравнивая их все в первоосновы сущего. Но такое познание реальности и окружающего мира не ограничивалось лишь поиском взаимосвязи природных элементов и онтологической целостности вселенной. Безусловно, большинство философов причисляли архаичность явлений и элементов богам, основывались на мифических сказаниях о сотворении мира. Но, помимо религиозных мотивов, такое отождествление явствует о своеобразном предвосхищении разумности всякого рода материи и природных стихий. Т.е., в логическом оформлении причин и следствий, мыслился некоторый субстрат высшей воли, которой обладали божественные существа. Вероятно, способ познания окружающего мира сильно разнился с современным научным подходом, обладая свойствами гностического постижения действительности. Тогда и реальность представлялась в некотором метафизическом разрезе, где одна или несколько стихий взаимодействуя друг с другом – творят и проявляют окружающий мир. Противопоставляются хаос и порядок, которые неотъемлемо включаются в сущность мироздания. Например, Гераклит видел раздор и хаос как обязательное условие для возникновения сущего, как превращение всего из огня и обратно в огонь. В его суждениях Вражда и Любовь есть Хаос и Порядок, начала всего сущего. «Когда огонь угасает, все вещи упорядочиваются (образуют из себя космос)... Весь космос воспламеняется, а затем снова упорядочивается». Сам же Космос по Гераклиту есть одно из разумных, живых, мыслящих существ, в котором как боги, так и люди его граждане [6, с. 101].

Нельзя не отметить и философию Демокрита, который обращался, прежде всего, к разуму, критикуя чувственное восприятие. Полагая, что оно не является побудительным началом к исследованию какого-либо явления, а есть просто целостно воспринимаемое естество единого, чувственно выходило за рамки познавательной деятельности. В традиции его мысли зародилось понятие атома, как некоторого неделимого предела сущего. Уче-

ние Демокрита всесторонне отталкивалось от причинности, где каждое явление, любой природный процесс подвергался связыванию следствия с тем началом, которое его породило. Ввиду этого, вся реальность воспринималась как некий необъятный механизм, состоящий из материальных частиц (атомов), взаимодействуя между собой и приводя в движение всю вселенную [4].

Кроме восхваления восприятия разума во всех своих аспектах – как логическом связывании причины и следствии, так и в трансцендентальном углублении в мир Эйдосов – мыслитель Эпикур полагал, что самым верным способом постигнуть истину является непосредственно ощущение реальности. В его учении – сенсуализме, полагалось, что лишь ощущения могут достоверно передать нам необходимое знание об окружающей реальности. Чувственное восприятие наиболее целостно открывает истину, а наслаждения тела (безусловно, речь идёт о необходимом и гармоничном наслаждении, без излишков и пороков) возвышают душу, тем самым делая её восприимчивой к истине [8, с. 211].

В качестве предвестников точных дисциплин необходимо отметить направления философских и научных воззрений пифагорейцев. Пифагор заложил основы математических, астрологических, физических наук, плотно соотнося своё философское воззрение на реальность с цифрами и нумерологией в целом. В дальнейшем, пифагорейское учение получило достаточно широкое развитие, имело множество последователей, дополнявших и трактовавших бытие мира, вселенной, окружающую реальность, а также выходящую за материальность – духовную, божественную составляющую всего сущего – с помощью цифр. Наделяя числа своеобразной символикой, пифагорейцы рассуждали о составе вселенной, где сам порядок был тождественен цифровому ряду, а многие числа имели своё глубинное значение в онтологическом предвосхищении бытия.

Размышления о мире, действительности, переплетённых взаимосвязей, причин и следствий – являются основополагающими мотивами для возникновения всякого научного исследования. Интересно, что многие идеи древних учений, основанные на гностическом знании, путём естественного наблюдения и размышления – находят доказательства в современной науке, которая оперирует эмпирикой. Так, например, предположение Гераклита о том, что огонь движущее начало всего сущего и земля – прежде чем стать пригодной для жизни – была огнём, а затем остыла – никак не могло быть эмпирически доказано во времена

античности. Тем не менее, это знание было доступно Гераклиту иным, интуитивным провидением, гностическим способом, а спустя века доказано эмпирическим анализом естественной науки. Также, яркий пример учения Левкиппа и Демокрита об атоме и строения всей материи на основе атома. Поражает, что без каких-либо технических приспособлений, измерений, анализов – философы древности знали то, что эмпирическая наука подтвердила спустя тысячелетия.

II. Миры идей и вещей Платона. Наука Аристотеля

Такие традиции мышления были достаточно прочны, и развивались многими античными философами. Однако в основном брались в расчёт материальные элементы, но не в виде простой материи, а наделённой разумным началом, присваивались во владении и управлении богам, только косвенно формируя тот вектор мысли, которую следом обозначил Сократ и развил Платон. В их философии возникло идейное начало, Эйдос, некий архаичный образ материи, который существует вне времени и пространстве, и является уникальным эталоном вещи. Мир идей и материи составляют нераздельное целое и при взаимодействии друг с другом эти два начала могут сформировать реальность. Суть каждой вещи восходит к единственной идеи этой вещи, всё остальное является искусством подражания, копирования и вариаций.

Платон выявляет ключевой аспект в понимании реальности, обозначая предпосылки идеи, которую развёрнут в научной деятельности физики более чем через две тысячи лет – а именно зависимость миропредставления от наблюдателя. Описывая народ, живущий в пещере, он очень чётко показывает обманчивость поверхностного взгляда на окружающий мир. Истина же может быть выявлена только благодаря проникновению в глубину, в саму суть явления, т.е. не ограничиваться только суждением взора, но изучаться с помощью разумного начала души [7].

Безусловно, воззрения Платона на реальность исходили из чувственного и умственного наблюдения за проявлениями человека, были наполнены интуитивными догадками, восприятием прежде всего идейного мира. Но все его размышления и идеи, описанные в философских трудах и диалогах, до сих пор подпитывают множество научных направлений. Скорее, даже не сами конкретные концепции, а отношения и подходы к ним, принцип проникновения в суть вещей, материи, поиск архаичных образов, причин. Конечно, стоит отме-

тить, что взгляды Платона в существенной мере повлияли на развитие гуманитарных и антропологических наук, нежели на естественные, точные дисциплины. Он рассматривает действительность под углом психических проявлений и порывов, с точки зрения морали, нравственности, чувственности, драматизма и трагизма человеческой жизни. Трансцендентный характер его размышлений выхватывает саму суть реальности духа и души, метафизических основ бытия, способствуя формированию фундаментальных идей христианской религии.

Безусловно, фактически каждый античный философ, так или иначе, внёс свой вклад в зачатки и предпосылки развития наук. Размышляя о мироздании, наблюдая за движением небесных тел, взаимодействии элементов материи и различных природных явлений, мыслители пытались объяснить причастность и взаимодействие одного с другим, гармоничность окружающего мира, значение хаоса и порядка, тем самым выстраивая определённые концепции реальности. Между тем, каждая из философских идей порождала множество вопросов, которыми задавались и задаются до сих пор множество пытливых умов, развивая и выстраивая опытные теории в лоне гуманитарных и естественных наук.

Огромный вклад в становление естественных и гуманитарных наук внёс Аристотель. В своих трудах он постоянно обращается к тщательному анализу того или иного явления, подвергая его своеобразным рассудочным и логическим проверкам, вырабатывая основательную почву для взращивания отдельных научных дисциплин. Задаваясь вопросом о движении, составе материи, человеческой психике – Аристотель выстраивает цепочку причинно-следственных связей, отделяя одно от другого, отсеивая лишнее, отделяет мистическое, интуитивно-чувственное миропредставление от научного, выверенного взгляда на материальные объекты, явления, свойства. Конечно, в его трудах часто можно встретить рассуждения о Боге, как перводвигателе всего, о душе природы – энтелехии, однако в каждом таком представлении Аристотель старался следовать логическому объяснению и истолкованию, опираясь на множество факторов окружающей объективной реальности [3]. В его трактатах и трудах достаточно подробно рассматриваются многие природные процессы, которые в дальнейшем получили развитие в отдельных научных дисциплинах. Выстраивая концепцию вселенной, Аристотель отталкивался от практических наблюдений, полагал в основу логическую казуальность, проводя различные эксперименты,

выверяя истину опытным путём. Он затронул, пожалуй, все основные сферы деятельности современной науки: изучал животный и растительный мир (труд «О возникновении животных»), принципы физических закономерностей (труд «Физика»), рассматривал природу космоса и вселенной (труд «О небе»), помимо этого уделил внимание искусству слова (труды «Поэтика» и «Риторика»).

Совершенно очевидным остаётся тот факт, что мыслители античной Греции, рассуждая о составе этого мира, вселенной, реальности как таковой, человеческой сущности – заложили фундаментальные основы проблематики всей науки в целом. Именно обращение к окружающей действительности, пристальный взгляд, глубинное умозрение, гностическое провидение философов стало определяющим толчком для развития множества естественных и гуманитарных наук. Более того, интересен тот факт, что многие интуитивные догадки, сопровождающие целые учения античности, получили научное основание и доказательство спустя многие столетия. Таким образом, можно предположить, что именно отношения между человеческой мыслью и окружающим миром, онтологические вопросы, попытки углублённого постижения истины бытия и реальности стали основным толчком к развитию науки.

III. Религия и наука в средневековой философии

Во многом направленность философской мысли средневековья берёт свои начала от идей античной эпохи, но существенно разбавляясь сформировавшимися религиозными воззрениями христианской доктрины. Ключевые вопросы, возникшие в схоластике – как синтезе учений Аристотеля и христианства, обращались к идее Бога, как онтологического начала всего сущего мира. При этом духовные тексты, носящие изначально статус неоспоримой истины с точки зрения религии, подвергались философами достаточно тщательному мыслительному разбору, в попытках найти доказательства существования Бога. Конечно, почва для размышлений зиждилась и черпалась из священных писаний, но соотносилась с реальными феноменами, материей. Августин Блаженный, предвещая схоластическое учение, задал своеобразный тон в религиозной философии, постулируя всё сущее – как сотворённое Богом. Т.е., всякая материя, плоть, организм – как плоды трудов Божьих, находятся в единой связи его творчества, есть благо. Следуя его мысли, можно сказать, что сама реальность – есть Бог, потому как создана им, является его детищем [1]. Конечно, такой ракурс

мысли мало соотносится к привычному научному изысканию и исследованию, отводя главную роль мироздания и окружающей действительности ни элементам природы, ни физическим свойствам явлений, ни математическим расчётам и механистичностью мира, а благой божественной воле.

Тем не менее, сам характер религиозной философии заставляет выйти за рамки причинности, посмотреть сквозь воспринимаемое окружение, обратиться к эталону высшего, всемогущего существа. И с этой точки зрения, безусловно, нельзя недооценивать вклад религиозной философии в дальнейшее становление науки. Ведь в таком аспекте возникают широкие взгляды на реальность, позволяя сопоставить различные идеи бытия, способствуют и в какой-то мере даже провоцируют искать доказательства в той сфере, где найти их по существу невозможно, но при этом есть шанс достигнуть определённых представлений о сущем вопреки религиозным учениям. Пытливые умы не раз обращались к вектору мысли, заданному религиозными философами, развивая концепцию единства вселенной, связанности всего сущего и феномена акаузальной связи одного с другим, что в современной физической науке легло в основу квантовой теории. Конечно, связь религиозной философии и современной физики не прямая, но развиваясь в разных ипостасях, в конечном итоге они сходятся в определённых основополагающих идеях.

Со временем, возросшее могущество церкви, уклад духовной жизни, отождествление монарха с наставником Бога на земле – внесло и деструктивные послы относительно развития науки. Церковь диктовала чрезмерно много жизненных устоев ради спасения души, праведного образа жизни, ограничивая многие размышления на тему реальности бытия, тщательно выверяя идеи и помыслы философов и исследователей того времени. Известно множество трагических фактов биографии некоторых учёных. Так, исследование физиологии человека, эксперименты медицинской науки часто рассматривались духовными отцами церкви как посягательство на волю Божью, вмешательство в дар жизни. Вероятно известный бич «Чёрной смерти», чумы, охватившей Европу в позднее средневековье, явился результатом своеобразного диктата духовенства и церкви, существенно затормозившего развитие медицинской науки, физиологических изысканий, принятия гигиены. Известно также, что причиной столь обширной эпидемии способствовало абсолютное отсутствие канализационной системы, из-за чего улицы европейских городов были переполнены отходами, грязью, что только усилило распространение болезни.

В целом, для средневековых философов было характерно рассуждать не о природных явлениях, элементах, объективном мире, т.е. не о перцепционном окружении, которое является основным предметом наблюдения в естественной науке. Концепции о реальности и миропредставления в основе своей брали своё начало от чувственного понимания Бога, сверхъестественных понятий души, духа, рая, ада. Т.е. мыслители этой эпохи оперировали больше некими абстрактными, трансцендентными понятиями, нежели опытно воспринимаемыми явлениями [8, с. 352]. Конечно, это не способствовало развитию точных и естественных наук. Но в размышлениях трансцендентного характера возникло множество сложных проблем и вопросов по поводу человеческого бытия, трагичности, драматичности человеческой жизни. В некотором роде, религиозная философия способствовала развитию психологических и антропологических наук, а также, в какой-то степени спровоцировала бум естественных наук. В онтологическом представлении мира, как творения Бога, человек также становился его детищем, но наделялся рядом уничижительных отличий, олицетворялась брэнность земного существования, как кара за первородные грехи. Тем не менее, постепенно вопрос человеческой сущности, души, духа – занимает в умах мыслителей средневековья главенствующую позицию. Потому как невозможно размышлять о Боге, о душе, нравственности и праведности жизни, не затрагивая человеческое бытие.

IV. Новое время

Отношение к человеку, как тварному существу, брэнному, грешному, обречённому, ждущему спасения в царстве Божьем постепенно начало ослабевать и в какой-то степени – церковь стала утрачивать былую власть. Вероятно, это связано с беспощадно бушующей по всей Европе XIV в. чуме, которая обнажила полную беспомощность медицинских достижений того времени, скашивая напропалую всех людей, независимо от статуса, сословия, образа жизни, набожности. Безусловно, континентальная эпидемия, истребившая чуть ли не половину населения Европы, явила собой большие перемены, однако скорее была лишь одним из поводов для этих перемен. Глубокое потрясение средневекового европейца, окружённого вездесущей смертью, не могло не приблизить его к религии, к Богу. Но после угасания безумного буйства смерти, также сомнительно было бы оставить в стороне ту рефлексию, ту переоценку социального сознания, где реальность вверена воле Бога,

который творит судьбу мира, а человеческое существование сопряжено постыдностью, беспрестанным грехом, бременем земного бытия. Если Бог не может облегчить страдания человеческой жизни, быть может, это по силам науке?

Безусловно, сам по себе настрой средневековой философии благотворно содействовал дальнейшему развитию науки. В попытках аргументации божественного существования, истинности церковных уставов и догматов, схоластическое мышление активно способствует рационализации Бога, что необходимо укрепляет позиции церкви и религии. В этой рационализации божественного, в этой объективации духовного неотъемлемо выражаются средневековые воззрения на реальность мира, как творения Бога, его умысел, сознательное провидение сущего, где человеческое существование греховно, вся реальность человека сводится к борьбе со своим тварным началом во спасение души. Но вместе с принижением человеческого существования, рационализации религиозных догм – сама христианская конфессия в некотором смысле приобрела своеобразную форму, в которой трансцендентное, необъяснимое, метафизическое – воплотилось в логическую обожествленную доктрину мироздания.

Рационализаторство укрепило свои позиции на заре Нового времени и в подавляющем большинстве трудов философов этой эпохи – разум встаёт в главенствующие позиции человеческого существа. Разум, который определялся лютеринством от лукавого – провозвестником всех человеческих бед, греха, скверны, нечестивости земного существования, – восходит к обожествлению, признаётся даром свыше, благодаря которому ниспослана возможность постигать истину, прикасаться к Богу, к духу.

Принято считать, что становление классической науки началось именно в Новое время. Но скорее наука взяла на вооружение всецело рационалистический подход, требуя всё большей и большей точности, конкретности, тонкости, не просто взирая на мир и реальность, анализируя явления и тенденции, а скрупулёзно и тщательно прорабатывая методологию, претендующую на конкретику, на значения, в конце концов – на прагматику знаний. В этом отношении, доклассическая наука больше опиралась на глубинные познания сути существования, старалась ответить на вопросы мироздания, самой реальности, сложности жизни. И такая наука не была обделена чувственным, эмоциональным началом – в ней присутствовала немалая доля возвышенного духа, божественного, метафизического. Конечно, в доклассической

науке отсутствовала та точность эмпирики, конкретность и чёткость явлений, их причинно-следственных связей, которая присуща науке Нового времени, потому ей сложно было найти всестороннее прагматическое применение. Её начала зачались с вопрошания к небу, космосу, она не столько служила ради материального обогащения, сколько для возвышения духа. В этом смысле парадоксально, что доклассическая наука, несмотря на несовершенство приборов, ошибочных суждений о строении вселенной, догадок – соприкасалась с реальностью гораздо больше, намного плотнее. В ней присутствовал гештальт мышления и чувства, союз анализирующего, расчленяющего на части и сопрягающего, соединяющего воедино. Именно в наличии этих двух начал возможно наиболее глубинное восприятие реальности как таковой.

V. Торжество разума

Так или иначе, классическая наука обретает свою форму в эпоху Нового времени. Безусловно, её цели продолжают традиции, которые прежде всего определяют познанием окружающего мира, явлений. Но вместе с тем, активно продвигается возможность приспособить этот окружающий мир, природу под человека и социум. С одной стороны, можно рассудить, что наука необходимо должна приносить определённую пользу, служить во благо человека. Но если научный прогресс ведёт за собой прагматизм, то теряется важная часть, даже скорее суть науки, в которой хоть и отсутствуют возможности удовлетворить телесные запросы, обустроить комфорт, удобство человека и общества, с ним нет возможности обогатиться, но именно в нём кроется тот пласт познания, который способен облагородить человеческую душу. Проникая в сущность вещей, истинной науке надлежит понять, постигнуть реальность в своих бесконечных гранях. Но это постижение не ради поработания, приспособления, а ради общения, диалога с реальностью, возможность договориться, нежели завоевать. Но для этого неотъемлем творческий союз разума и чувства, анализ ради знания и синтез ради понимания реальности.

Философы Нового времени ставят человеческий разум в эталон сущего, возвышая и обожествляя его. Восхваление разума всегда было присуще философской мысли, но меняется скорее понимание разума, он обогащается величиим, но в то же время лишается целостности. Дело в том, что из разума вычленяется самое зерно – логическое мышление. В этом дроблении разумное начало восстаёт против эмоций, чувств. В самом

деле, если обратиться к разуму, как логическому инструменту, то чувства и эмоции становятся помехой для понимания частности. Чувство имеет противоположенное свойство анализу и логике, которые расчленяют, распределяют, дробят целое на части в попытках достигнуть понимания частного, чувство же наоборот – воспринимает целостное, стремится к соединению, гештальтности. Но чувства и эмоции, как и мышление – входят в целостность разума, носят рациональный характер. Т.е. можно сказать, что чувства и мышление есть части единого разумного начала. Отличие их сводится к различному складу логики – мышление анализирует детали, собирает из них мозаику, но опирается на феномены частного. Чувства же проявляются в целостном, бесшовном восприятии, они обеспечивают отношение и общение к целому, к явлению, к объекту, субъекту, а не к его части. В этом ракурсе, эмоции, как проявления того или иного чувства, возникают в виде диалога внутренней целостности разумного начала человеческой души с окружающим миром, т.е. естественной реакцией на реальность.

Многие мыслители Нового времени определяли чувства как нечто излишнее, мешающее познанию [9]. Чувства – удел искусства, а не науки и философии. Можно предположить, что для чистого познания, сухого логического действия, чувства и эмоциональные состояния действительно не нужны. Но насколько ценно такое познание? За ним кроются только факты, данность, бесстрастное обнаружение свойств. Такое познание лишено глубинного смысла и единственная возможность компенсировать это бесстрастие – приспособить дары науки в употребление обществом и человеком. Наука, полностью лишённая чувств, курируемая только мыслью – отдаляется от своей цели – познать и понять реальность. Без чувственного начала не существует диалога между человеком и реальностью, не возникает той необходимой взаимосвязи, благодаря которой есть возможность постичь действительность не только как внешнее благо, остаётся только оголённая констатация фактов и поиск использования.

Безусловно, классическая наука не может существовать без чётких критериев получения знания, в каком-то смысле – бесстрастие необходимо науке. Но тогда это бесстрастие должно быть именно в методологии получения научного знания, эмпирике, опыте, измерении. Но высушенная от чувственной составляющей рациональность простилается за пределы научной методологии, в ней зарождается ядро всеисилия и всемогущества, диктат точности и беспрекословности. На заре своего

существования классическая наука старается отвечать своим истинным целям – познать реальность, но лишённая целостности разума, вектор её развития постепенно сдвигается в сторону прагматизма.

Конечно, многие достижения мысли зачастую воплощались в пользу для человека, но вряд ли это можно было считать самоцелью. В классической науке именно прагматизм, применение научных знаний в антропологическом и социальном контексте начинает приобретать высшую степень значимости. Но польза стоит вне чувственного составляющего. Она может быть выражена только в сухом остатке причинно-следственной связи, что и для чего. В этой связи воззрения на реальность, восприятие окружающего уже стимулируют науку не в целях понять этот мир, а скорее приспособить, использовать в своих целях, обратить и подчинить для прогресса и развития. В результате, классическая наука начинает существовать в измерении прогресса, причём прогресса ослепленного прагматизмом.

VI. Величие и скудость классической науки

Безусловно, значимость научного знания нельзя недооценивать. Классическая наука подарила множество важных открытий для человечества. В сущности, неправомочно отречься от пользы научного знания, так или иначе, достижения прогресса во многом способствовали улучшению существования, точные науки во многом обеспечили жизнь человека. Мы научились извлекать пользу природы, явлений, стихий, направлять её во благо человеческого развития, улучшать условия быта, ускорять производство. В этом, несомненно, заслуга науки. Вместе с тем, остаётся один существенный нюанс – с самого начала своего развития, классическая наука обречена утратить ясное воззрение на реальность, осуществляя лишь прикладную функцию прагматизма. Теории осушаются от всякого интуитивного содержания, оперируя только фактами и логическими умозаключениями. Здесь возникает парадокс: наука служит человеку, удовлетворяет его потребности, улучшает жизненные условия, совершенствует быт, но вместе с тем, сама по себе абсолютно лишена гуманистического аспекта, антропологической глубины. Бесстрастная, слепая, обделенная моралистическим пластом, будто бы направлена на субъект, на благо человека, но для науки человек превращается в объект, теряет свою многогранность, обезличивается [5].

Таков удел классической науки и в этом есть её назначение, в ином виде она, вероятно, просто не смогла бы существовать, размылась в потоке зна-

ний. Но высушенная, бесчувственная рациональность ущербна, в ней возникает авторитарность и навязчивый диктат. Воззрения на реальность, так или иначе, носят философский ракурс мысли, они определены смесью трансцендентности и имманентности, возможности соприкоснуться с многогранностью удивительного мира. Многие философы Нового времени будто бы заодно с наукой, эмпиризмом познания, видят в ней благостные перспективы. Но наука предательски начинает восставать против философии, замыкается сама на себе, становится чрезмерно самодостаточной и претензионной к тем знаниям, которые не могут войти в её состав, не соотносятся с принципами науки. Это обеспечивает её развитие, но лишает связи с человеком и антропологической реальностью, обслуживая мир вокруг индивида.

Безусловно, научное знание более чем необходимо, в нём есть своя созидательная сторона. Но, вектор беспрекословности научного знания, порабощение субъекта и его модификация в объект, диктат и скепсис не служит человеку, как духовному существу. Классической науке не хватает лазейки, обратной стороны, с которой она могла быть сопричастной реальности, рефлексивной в отношении миропредставления. Оставаясь прагматичной, ей необходимо быть в содружестве с философией и психологией, не только диктовать, но уметь слушать и слышать реальность, не претендовать на абсолют знания. В нарциссизме науки кроется её слабость. Дух Нового времени поставил во главе правления наукой обделенный чувствами разум. Эта ущербность вылилась в весьма скверную тенденцию – обескровленный, бесстрастный разум вошёл в раж самодостаточности, перестал считаться с глубинными факторами человеческого бытия. Объективизация знания доставляет удобство в быту, определяет развитие общества, но не соприкасается с душевной и духовной составляющей человека, удовлетворяя лишь соматические потребности. Таким образом, воззрения на реальность перестают быть основным двигателем научного прогресса. Наука становится всё более самодостаточной. Основная идея науки – быть инструментом познающим, постигающим действительность – нивелируется, заменяется функциями приспособления и прагматизма. И в этих свойствах кроется возможность перейти от познающего и соприкасающегося с реальностью к самому творению и конструированию реальности наукой. Но этот конструкт может быть только орнаментом действительности, всё дальше обрастая лоском объективности, уводя человека от подлинности реальности антропологической.

Список литературы:

1. Августин Блаженный. Об истинной религии. Теологический трактат. Мн.: Харвест, 1999. 1600 с.
2. Аристотель. Метафизика / Пер. А.В. Кубицкий. М.: Эксмо, 2006. 608 с.
3. Аристотель. О душе. М.: Мир книги, 2009. 400 с.
4. Аристотель. Физика / Пер. В. Карпов. М.: КомКнига, 2014. 230 с.
5. Бердяев Н. Дух и реальность. М.: АСТ, 2006. 384 с.
6. Гераклит Эфесский. Всё наследие. М.: Ад Маргинем, 2012. 350 с.
7. Платон. Государство. М.: Наука, 2005. 576 с.
8. Татаркевич В. История философии. Античная и средневековая философия. М.: Изд-во Пермского университета, 2000. 482 с.
9. Юм Д. Исследование о человеческом разумении / Пер. С.И. Церетели. М.: Прогресс, 1995. 240 с.

References (transliterated):

1. Avgustin Blazhennyi. Ob istinnoi religii. Teologicheskii traktat. Mn.: Kharvest, 1999. 1600 s.
2. Aristotel'. Metafizika / Per. A.V. Kubitskii. M.: Eksmo, 2006. 608 s.
3. Aristotel'. O dushe. M.: Mir knigi, 2009. 400 s.
4. Aristotel'. Fizika / Per. V. Karpov. M.: KomKniga, 2014. 230 s.
5. Berdyayev N. Dukh i real'nost'. M.: AST, 2006. 384 s.
6. Geraklit Efesskii. Vse nasledie. M.: Ad Marginem, 2012. 350 s.
7. Platon. Gosudarstvo. M.: Nauka, 2005. 576 s.
8. Tatarkevich V. Istoriya filosofii. Antichnaya i srednevekovaya filosofiya. M.: Izd-vo Permskogo universiteta, 2000. 482 s.
9. Yum D. Issledovanie o chelovecheskom razumenii / Per. S.I. Tsereteli. M.: Progress, 1995. 240 s.